

Русская литература предчувствовала явление Алиции Володзько. Я к мистицизму не склонен, но думаю, не случайно влюбленный Илья Сельвинский призывал Алицию (Алису), польку с льдыстыми глазами: «Полюби Россию, дорогая,/ Наши звезды и мою тоску». И так эти льдыстые глаза характеризовал: «В тебе есть то, что выше красоты». Можно сказать, что Алиция Володзько - воплощение грезы старого стихотворца. Она виднейший переводчик, знаток и толкователь русской книги. Доктор наук, профессор Варшавского университета. Мы сидим с ней у Яна Забродского, в Славянском центре, на улице Гагарина, 15. Это лавка, читальня, клуб.

Моск. правда. - 1999. - 16 марта. - С.3

Принцип маятника

- Алиция, ты варшавянка!
- Принадлежу к ныне малочисленному коренным жителям Варшавы. Здесь жили по крайней мере четыре поколения моих предков. Кто теперь может похвалиться этим? Я выросла на улице Фрэта, самый центр, «старый город», где сейчас открыт музей Марии Кюри-Склодовской. После 63-дневного Варшавского восстания 1944 года здесь остались одни развалины. Мама увезла меня за город, сама после восстания оказалась в лагере: в это время немцы охотились за всеми варшавянами, как перед тем за евреями. Мама уцелела чудом. А меня нашла через год - одичалую, ослабевшую, ничего не понимающую. В сорок пятом я впервые увидела шоколад. Я получила этот шоколад из рук русского солдата. И до сих пор помню. Это были солдаты, которые приехали на танках. Новые поколения уже не могут представить себе жуткий вид послевоенной Варшавы. Все мосты были разрушены. Я, пятнадцатилетняя, шла по понтонному с мамой, держалась за веревку, molto качалась, я ужасно боялась. Когда тетя повела меня по «старому городу», на площади Рынок громоздились только фрагменты фасадов. В руинах гнили трупы. Были видны волосы... Это был шок.

- Как случилось, что ты пошла на русистику?

- Дома умоляли, чтоб я этого не делала. Потому что стыдно и как же можно...

- Почему стыдно!

- Потому что у нас особо не жаловали русских. Помню 1939-й. И как в 1944-м они стояли на том берегу и ждали, пока немцы расправятся с восставшими... Говорить об этом было нельзя. А я вдруг влюбилась в Пушкина. Как-то сама, без постороннего влияния. У меня была прекрасная память. Главами читала наизусть «Онегина». На экзамене продиктовала «Мою родословную» («Смесь жестоко над собратом»). У меня неплохая фонетика...

- Ты говоришь почти без акцента!

- Экзаменаторы решили, что я приезжая, с Востока. Хотя я никогда в России не была. Два года проучилась в Варшаве, а потом оказалась в МГУ.

- Это был единственный, исключительный случай!

- Нет, посылали многих. В Москву, в Ленинград... Молодежь изучала какие-то электронные машины. Со мной ехал целый вагон физиков! То был 59-й год, послесталинская оттепель.

- Хорошее было время!

- Прекрасное! МГУ на горах напоминал вавилонскую башню, собрание языков. Молодые французы, немцы, американцы. Только что построенное здание выглядело дворцом. Учиться мы ездили на Моховую. Правда, на первой же лекции я впала в отчаяние. То и дело слышалось: «реакционный», «прогрессивный», «революционный». Был всеми любимым педагог Владимир Николаевич Турбин, вел собственный перломонтовский семинар. Но как отдельный пробыл. Удручали вульгарно-социологические трактовки. Достоевский - ретроград, в жизни ничего не понимал. Ответить надо было «по Ерилову». Я пришла к выводу: чем так учить литературу, лучше займусь языком.

- Каков был уровень языковых занятий?

- Необычайно высокий. Написала диплом о русском Севере - «Псалтырь Хутынского монастыря XIV века». Под руководством профессора Петра Саввича Кузнецова, автора исторической грамматики. Пугавшая студентов историческая грамматика меня безумно заинтересовала! У меня была глава: «Звуковое значение буквы «ять». Буква «ять» только сначала казалась буквой.

- Что из событий особенно запомнилось!

- Полет Гагарина. Все студенты, также иностранцы, шли от МГУ пешком на Красную площадь. Дошли до библиотеки, тогда имени Ленина. Тут нас окружила конная милиция. Весь день провели на улице. Весело было! Через год я окончила МГУ. Вернулась в Варшаву. В университет, куда же еще. Вернулась к литературе. Написала книгу «Военная проза эпохи послесталинской оттепели». Бакланов, Бондарев, Быков.

- Без Богомолова!

- О Богомолове я тоже писала. Но менее подробно... Зарплата в университете была символическая, как и сегодня. Надо было чем-то заниматься еще. Вдруг один зна-

комый сказал: «Ты знаешь писателя Северина Полляка? Он ищет литературного секретаря». Я пошла. Полляк как раз выпустил «Путешествие за три моря», сборник эссе о русской литературе. Я не только научилась печатать на машинке, но и познакомилась с его великолепной библиотекой. У него были контакты с Западом. Он еще до войны перевел Маяковского, Пастернака, Мандельштама. Благодаря Полляку, это может быть интересно, у меня был «ахматовский» эпизод.

- Расскажи подробней.

- Это было, когда Ахматова возвращалась из Италии, где получила премию. А в Польшу у нее вышел сборник под редакцией Полляка. Целая группа писателей - Ахматова ехала поездом - пошла на вокзал. Полляк взял меня. Вошли в вагон, чтоб передать книгу. Был Путрамент, Федецкий, еще кто-то. И одна женщина - я. Собственно, еще не женщина. Выглядела лет на двадцать, не больше. Все стали заглядывать в купе, где Ахматова сидела одна. По образу она была для меня Екатерины Великая. Царица. Ахматова окинула нас царственным взглядом. Все толпятся, каждый хочет что-то сказать, тесно. Она сказала: «Пропустите даму». Я не была похожа на даму. Все меня пропустили. Ахматова закрыла купе и пять минут со мной побыла. Она в то время готовила сборник «Бег времени» и говорила о нем. Я все думала: почему так случилось? Она хотела показать силу характера. Преподавать какой-то урок. Наконец, взять ситуацию в свои руки.

- Краковская русистка Ядвига Шимак остроумно поделила любительщину поэзии на ахматовок и цветаевок. Ты ахматовка?

- Я занималась и Цветаевой. Однажды, когда еще училась в Москве, меня попросили, чтоб поехала на вокзал встретить одну старушку. Кто-то не смог. Старушка представилась: Анастасия Цветаева. Я ответила ее на улице Чехова, где она жила. Там впервые увидела фото Марины Цветаевой. С таким светящимся ореолом над головой. Тогда мои коллеги и я помогали Анастасии Ивановне, перепечатывали ее мемуары... Она была очень бедна. Маленькая, худенькая.

- Ты все время расширяла круг интересов?

- Так бывает с каждым. В 66-м съездила в Москву. Только что появился сборник Хармса «Из дома вышел человек». И почти одновременно - книга Лидии Чуковской «В лаборатории редактора». Я написала первую в Польшу работу про обзиротов. Она даже попала в лексикон русской литературы Вольфганга Казака. Согласись, тогда и в России про обзирот не писали...

- Только привыкали к факту существования. Под натиском любителей поэзии. В том числе, как выясняется, польских. Сама ты переводилась прозу!

- Прозу. Однажды мне надоел университет. И предложили возглавить русскую редакцию в крупнейшем издательстве «PIW». Я проработала там десять лет. Первым моим переводом стал рассказ Нагибина «Огненный протопоп» (об Аввакуме). Надо было найти этой цивилизации под язык великого старообрядца XVII века польский эквивалент. Потом я перевела скромную повесть Риммы Канделаки «Шел по городу художник» (о Пиромани). «Вдвойн парокход» Грековой, «Плаху» Айтматова, повести Тендрякова. Разумеется, Солженицына. «Матренин двор» и сборник публицистики «Жить не по лжи». Шаламова. Из классики: Леонида Андреева и Куприна. Из эмигрантов: «Мнимые величия» Нарокова. В 1995-м выпустила книгу «Пасынки России. О прозаиках третьей эмиграции».

- Это и есть твоя докторская!

- Да. Там много о Владимире Максимове. Он присылал свои книги, и я с ним подружилась. Подружилась с Довлатовым, издала его первый польский сборник. Довлатов писал: «Как приятно быть опубликованным на родине Марека Хласко». Он рассказывал, как однажды в Барселоне сидел между двумя лауреатами Нобелевской премии: справа Бродский, слева - Милош. Милош сказал Довлатову: «Знаете, я тоже люблю выпить, но вам уже хватит». Из этого я узнала, что и наш Милош - выпивоха.

- Довлатов не преувеличенный писатель!

- Считаю, что нет. Это живой, человеческий голос, особая доброта. Интерес к «маленьким» людям. Смех, переходящий в слезы.

Довлатов способен взволновать даже тех, кто вроде бы ко всему равнодушен. Сложней с Бродским. У нас вышла о нем книга Шимак. Я ценю его как мастера, особенно переводы из Галичского, но, по-моему, это «святыня без бога», меня отпугивает холодность, нарциссизм. Из раннего Бродского нравятся «Пилигримы», из позднего «На смерть маршала Жукова».

- Назови пять русских поэтов, которых любишь полка Алиция.

- О, боже! Почему пять? Ладно, отвечу. Всегда остается Пушкин. Я думаю, что Тютчев, Блок. Анна Ахматова, несомненно. А современные? Назову своего многолетнего друга, который вдруг оказался отцом русского постмодернизма: Всеволод Некрасов. Мне трудно отличить, люблю ли я его поэзию или его самого как человека.

- А прозаики!

- Из новейших - все-таки Довлатов. Я люблю его читать. Я люблю к нему возвращаться. Мало таких писателей.

- Больше некого назвать!

- Двадцать лет назад я бы тебе сразу ответила: Шаламов и Солженицын. Потому что их книги мы получали тайно, читали ночами, передавали из рук в руки. А сейчас... Я преподаю XX век, кто-то спросил студентку: ну, как она? Это про меня. Девочка отвечает: хорошая, мы довольны, только все про лагерь, про лагеря... Есть дистанция между поколениями. Что было для нас главным, стало историей. Я сегодня читаю Пелевина, не то чтоб я им восторгалась, пытаюсь понять, что нравится молодым. Я подготовила антологию новой русской прозы «Песни восточных славян» (название рассказа Петрушевской). Петрушевской живо интересуются студенты, хотя на веселые раздумья она не наводит.

- Сегодня у вас по-прежнему переводят немало!

- Главным образом, прости, политическую порнографию, «Любовница Берии», «Любовница Сталина». Потому что это покупают. Русское котируется плохо. Я думаю, жизнь идет по принципу маятника: сначала нам навязывали, теперь мы отшатнулись. Надо подождать лет десять.

- Так много!

- По-моему, это немного.

- Что сейчас лежит у тебя на столе!

- Москвич, который лет двадцать живет в США. Юрий Дружников, «Ангелы на кончике пера», журналистская кухня Москвы в 60-е годы. Диссертация моей ученицы Ивоны Крыпской о романе Бунина «Жизнь Арсеньева». Только что законченная небольшая книга «Русская литература в Интернете». Это новая среда для литераторов. У нас так: русские журналы и газеты мало того что дороги, их просто нет. Через Интернет можно кое-что узнать.

- Существует мнение, что и в Польше, и в России люди кормятся мифами друг о друге.

- Мифами и полумифами. Я прочитала недавно статью в «Литгазете», где сплошные ахи в связи с Бальцеровичем и его реформами. Большинство польского общества от них отнюдь не в восторге. Журналист смотрит как-то очень поверхностно и сквозь розовые очки. Все у нас не все так розово. Кризис обрушился на вас, а мы ждем кризиса с Запада, мирового, как до войны. Восторгаться, ей-богу, нечем. Зияют и культурные проблемы. Умерли виднейшие пропагандисты русской литературы: Ворошильски, Дравич. Журнал «Вядомосци культуральне» не получил министерскую дотацию, показался слишком левым, а у власти правые.

- Ваши правые и ваши левые - не такие, как у нас.

- Что ж, от этого не легче. Мы с Дравичем выпускали приложение к журналу: «Вядомосци росыське». А сейчас писать о русской литературе практически негде. Академические издания широкая публика не берет, это «поедание собственного хвоста»: русисты пишут для русистов. Хочется, чтоб люди понимали: есть не только американская культура. Командует TV, оно оглушает людей. У вас тоже...

- Алиция, любишь ли вы Пушкина.

- «Я вас люблю, хоть я бешусь,/ Хоть это труд и стыд напрасный,/ И в этой глупости несчастной/ У ваших ног я признаюсь!»

Владимир ПРИХОДЬКО,
спец. корр. «МП».
Варшава.